

Линь Уцзю пустил в дело каждую заработанную монету — все те сто с лишним золотых фунтов, что принесла ему публикация рукописей.

Он действовал осторожно, понимая, что общественное мнение — это тонкий инструмент, требующий постепенной настройки. Чтобы перемены казались естественными и исподволь проникали в умы, юноша начал с малого.

В первый день лишь одна захудалая газетёнка напечатала несколько коротких ироничных анекдотов, высмеивающих Бюро по расследованию ереси.

Эти хлесткие шутки мгновенно разлетелись среди низших сословий. Мужчины пересказывали их за кружкой дешевого эля, женщины — в очередях за овощами. Вскоре остроты стали главной темой для досужих разговоров.

Репортёры других бульварных изданий, учуяв горячую тему, не заставили себя ждать. На страницах газет замелькали целые серии историй, где главными героями — точнее, главными дураками — неизменно оказывались прокуроры Бюро. Один особенно предприимчивый автор, заботясь о неграмотной бедноте, начал рисовать сатирические карикатуры. Успех был оглушительным.

Горожане, измотанные тяжелым трудом, с упоением делились друг с другом этими маленькими актами неповиновения. Высмеивание Инквизиции стало для них чуть ли не единственным доступным развлечением.

Вскоре сарказм в адрес «святых отцов» превратился в настоящий народный спорт.

На оживленной улице группа трубочистов, не таясь, указывала пальцами на проезжавшую мимо карету Бюро.

— Эй, дружище, знаешь самый быстрый способ разбогатеть?

— Конечно! Почитай «Закон о ереси» — там Инквизиция подробно расписала все способы, как залезть в чужой карман.

В полумраке таверны подвыпивший работяга во все горло зачитывал свежую байку из газеты:

— Слушайте! Том упал в реку и начал тонуть. Люди стоят на берегу, смотрят, а прыгать боятся — зима ведь, вода ледяная! Тогда Том смекнул, в чем спасение, и как заорёт: «Я — еретик!». Не успел он и глазом моргнуть, как рыцари Бюро выловили его из воды и тут же арестовали!

Зал взорвался хохотом.

— Истинная правда! Только так они и работают!

— Эх, бедолага... Уж лучше бы утонул, чем под их пытки попасть.

В труппах, на подмостках бродячего театра, актер в лохмотьях, изображающих белое одеяние прокурора, картинно заламывал руки:

— О Боже, как же я люблю еретиков! Клянусь, я ни капли не лгу, я их просто обожаю!

Толпа перед сценой зашлась в приступе смеха.

— Ведь благодаря им у нас столько рабочих мест! Не будь еретиков, я бы уже давно пополнил ряды безработных!

Хохот усилился.

— Вы только представьте, мне ведь нужно кормить полсотни любовников! И не думайте, что это только женщины — в глазах Господа, знаете ли, все равны!

Площадь содрогнулась от громового хохота. Люди хватались за животы, вытирая слезы, выступившие от смеха.

В бакалейной лавке почтенные матери семейств вели негромкие беседы:

— Милая, ты читала в газете про эти ужасы?.. Ты знала, как раньше эти господа из Бюро проверяли, ведьма женщина или нет?

— Ох, читала! Пресвятые небеса, это же просто кошмар! Несчастную просто бросали в воду. Если всплывёт — значит ведьма, а если пойдёт ко дну — значит человек. Только вот к тому времени, как она тонула, бедняжке уже было всё равно. Это же чистое убийство!

— Это ещё что! Там писали вещи и похлеще. Если обвиняемая пытается оправдаться — значит, сам дьявол дал ей дар красноречия. Если молчит — значит, признаёт вину. А если во время пыток у бедной женщины застывшее лицо — это, видите ли, доказывает, что она смотрит прямо в глаза демону! А если она вращает глазами от боли — значит, ищет его в комнате...

— О Солнце, прости, что перебиваю, но это выше моих сил! Это просто безумие, я больше не могу этого слушать. Они просто искали любой повод, чтобы убивать людей!

В юридической конторе рабочий с тревогой расспрашивал адвоката:

— Но разве это законно? Неужели на них нет никакой управы?

— К сожалению, сударь, согласно новому «Закону о ереси», Бюро имеет полное право конфисковывать имущество осужденных.

— Но как они решают, кто еретик? Опираясь на эти нелепые бредни? Да этот закон написан только для того, чтобы они могли безнаказанно грабить народ!

— Послушайте, сейчас в прессе обсуждают в основном статьи старого закона. Новый закон всё же старается учитывать права человека...

— Права человека? Ха! Какой смысл в правах, если закон позволяет отобрать у гражданина всё до последней нитки? Когда на кону стоят деньги, у этих людей не остаётся принципов. Они будут плодить ложные обвинения и казнить невинных пачками, лишь бы прибрать к рукам их золото!

— Я понимаю ваше возмущение. Не только вы, но и многие члены парламента призывают к реформе. Возможно, вам стоит обратиться за поддержкой к ним?

Волна недовольства, поднявшаяся с самых низов, вскоре захлестнула и средний класс. Крупные влиятельные газеты, ориентированные на буржуазию, не могли игнорировать этот стихийный протест.

В отличие от беспринципных бульварных листков, солидные издания начали методично «копать» под Бюро. Появились серии расследований и аналитических колонок, в которых новый «Закон о ереси» подвергался жесткой критике. Члены парламента открыто называли его варварским пережитком, нарушающим права подданных, и требовали немедленной отмены.

Журналисты даже сумели раздобыть списки недавно арестованных. Среди них упоминалась и невинная женщина-мясник, которую бросили в темницу без всяких на то оснований. Пресса смаковала случаи несправедливости, убеждая публику: существование Бюро по расследованию ереси в его нынешнем виде преступно и недопустимо.

Ходили слухи, что несколько депутатов уже подготовили петицию в Кабинет министров с требованием упразднить Бюро и передать его полномочия гражданским судам.

Линь Уцзю должен был признать: хотя поначалу он сам придумывал анекдоты и рисовал карикатуры (он даже подумывал в будущем издать сборник «Юмор Инквизиции»), теперь ситуация развивалась сама собой. У него просто не хватило бы денег, чтобы подкупить крупные газеты — их лояльность стоила слишком дорого.

Впрочем, историю Иоланды он всё же продал одному изданию, заработав на этом несколько пенсов за «инсайдерскую информацию».

Крупные газеты ополчились на Бюро не из любви к истине. Силы, стоящие за ними, просто почувствовали удобный момент. За громогласными обвинениями в адрес инквизиторов скрывалась извечная борьба между светской короной и духовным престолом.

Древняя мудрость гласит: «На одном ложе двоим тесно».

Нынешний император Империи Лайт, хотя и был человеком посредственных талантов, но даже он не желал вечно оставаться марионеткой в руках Папы. Замена старого закона новым уже была маленькой победой монарха. И теперь королевский двор, оседлав волну народного гнева, решил окончательно свести счеты с Бюро.

Линь Уцзю это вполне устраивало.

Он сладко потянулся и с улыбкой обратился к Дженни:

— Кажется, нашу Иоланду скоро выпустят на свободу.

А когда Бюро окончательно канет в лету, он, возможно, найдёт способ вызволить из тюрьмы Пентонвиль Адониса и остальных.

Дженни, однако, не разделяла его оптимизма.

— И это всё? Ты думаешь, пара газетных статей заставит этих фанатиков пойти на попятную?

Она внимательно следила за каждым шагом Лэнса, но, честно говоря, до сих пор не понимала, как его шутки помогут вытащить человека из застенков.

Черноволосый юноша посмотрел на собеседницу многозначительно. Похлопав бесёнка по голове, он с видом умудренного опытом старца изрек:

— Эх, Дженни... Ты демон, а потому не понимаешь человеческой природы.

Девочка сердито сбросила его руку и закатила глаза.

В один прекрасный день Картер проснулся и обнаружил, что весь мир ополчился против них.

И виной тому были эти проклятые третьесортные газетенки!

Словно сговорившись, они принялись полоскать грязное бельё Бюро, вытаскивая на свет старые грешки десятилетней давности. Каждое лыко было в строку: то инквизиторы отобрали деньги у вдовы, то присвоили сбережения старика на похороны, то — подумать только! — обманом выманили карманные деньги у ребенка. Журналисты расписывали всё в таких красках, будто лично присутствовали при этих злодеяниях. В их статьях Бюро представало сборищем беспринципных негодяев.

Более того, они с энтузиазмом обучали читателей «маленьким хитростям» обогащения Инквизиции.

В «Саннском негодяе» писали:

«Рецепт прост. Шаг первый: выберите вдову побогаче, желательно без наследников. Шаг второй: подбросьте ей в сад пару проклятых кукол. Шаг третий: вломитесь к ней с обыском под предлогом борьбы с ересью и "успешно" найдите улики. Шаг четвертый, последний: бросьте несчастную в темницу и бейте до тех пор, пока она не подпишет признание. После этого остаётся лишь конфисковать имущество в пользу Бюро. Посмотрите сами — разве есть на свете бизнес прибыльнее и проще?»

«Газета для зевак» шла еще дальше:

«Господа и дамы! Вы всё ещё надеетесь, что ваши сыновья станут юристами, пасторами или профессорами? Времена изменились! Ныне самая доходная профессия в Империи — рыцарь-каратель Бюро. Пять лет службы — и в вашем кошельке осядут тысячи золотых фунтов. Это куда выгоднее, чем мыть золото на Новом Континенте. Смею утверждать: во всём Либерти вы не найдёте лучшей карьеры для среднего класса!»

Прочитав это, Картер в ярости выхватил меч и разрубил стол пополам. Он уже собирался выскочить наружу, чтобы проучить наглых писаки, но его остановил суровый голос прокурора Энтони.

— Куда это ты собрался? А ну, стоять!

Картер тяжело дышал, его глаза налились кровью.

— Но посмотрите, что они пишат! Это же чистая ложь! Чего они добиваются? Хотят нас закрыть?!

Энтони мрачно усмехнулся. В его взгляде затаилась тень.

— Чем сильнее они нападают, тем холоднее должна быть наша голова. Если мы сорвёмся, то лишь подыграем им. Мы не имеем права давать им новые поводы для атак.

Встретившись с ледяным взглядом прокурора, молодой человек постепенно остыл. Рассудок вернулся к нему.

— Но... кто стоит за этим? Кто кукловод и какова его цель?

В глубине души Картер догадывался о правде, но боялся даже произнести это вслух.

Энтони же вспомнил о петиции, которую готовили для подачи в парламент. Этот нелепый документ ни в коем случае не должен был пройти. Однако противник атаковал яростно, и Церкви, скорее всего, придется пойти на определенные уступки.

Его мысли вернулись к узникам, томящимся в подземельях. Именно они были главным козырем прессы.

За эти дни, несмотря на все усилия дознавателей, потомки Гарсия не выдали ничего существенного. К тому же газета «Борец с Солнцем» продолжала выходить по расписанию, что практически снимало подозрения с Иоланды.

Освободить их? Что ж, это было приемлемой ценой. Если это успокоит толпу, Церковь готова проявить «милосердие». Но если оппонентам этого покажется мало... Что ж, Инквизиция ещё не растеряла свои клыки!

— Я иду на аудиенцию к Его Преосвященству! — решительно произнес Энтони.

Тем временем Линь Уцзю продолжал свой урок для Дженни.

Бесёнок, сжав кулачки, угрожающе прошипела:

— Почему ты так уверен, что они отпустят Иоланду? Говори немедленно, не то получишь!

Юноша вздохнул, глядя на эту нетерпеливую особу.

— Видишь ли, — начал он, делясь с ней крупницей восточной мудрости, — человеческая природа всегда тяготеет к компромиссу. Когда парламент требует упразднить Инквизицию целиком — это слишком радикально, и Церковь никогда на это не пойдёт. Но если в этот момент газеты потребуют всего лишь отпустить пару невинных узников, они с радостью согласятся, чтобы сохранить главное.

Дженни застыла.

В этот миг всё, что казалось ей странным и непонятным, обрело четкую логику. Она посмотрела на юношу со смесью страха и восхищения.

«Пожалуй, ты дашь фору многим демонам!» — подумала она.

— Ты — самый коварный и хитроумный человек из всех, кого я видела.

Кто бы мог представить, что за этой мощной волной народного гнева, поставившей Бюро в тупик, стоит хрупкий подросток, запертый в одиночной камере тюрьмы Пентонвиль?

Он ведь почти ничего не сделал. Просто потратил немного денег, написал пару шуток и нарисовал несколько картинок. И теперь эти самые картинки возвращали ему потраченное сторицей.

Неудивительно, что он написал «Мечь Джека». Он знает человеческую душу так, словно сам её сконструировал.

Линь Уцзю лукаво улыбнулся и отвесил ей шуточный поклон.

— Благодарю за комплимент, леди Дженни.

Девочка фыркнула и отвернулась, скрестив руки на груди.

— Впрочем, вся эта история натолкнула меня на одну мысль, — юноша задумчиво потер подбородок. — Мир мистики сейчас слишком слаб, он не может быть мне опорой. Мы живем в эпоху веры, и если я хочу изменить этот мир, мне нужно стать значимой фигурой в мире светском. Только обладая реальной властью, я смогу перестроить реальность.

— И что ты задумал на этот раз?

— Нужно как можно скорее закончить «Мечь Джека» и издать её. Только так я получу необходимый социальный статус и обзаведусь связями в высшем свете.

Он понял, что в последнее время слишком расслабился. Романы в этом мире были не чета бесконечным опусам будущего — обычно они укладывались в две-три сотни тысяч слов.

Если он проявит усердие современных авторов и будет писать по десять тысяч слов в день, то закончит первый том всего за пару недель.

К тому же тюрьма Пентонвиль начала ему надоедать. Пора было подумать о возвращении в большой мир.

<http://bllate.org/book/15857/1439861>